

ШАРЛЬ БОДЛЕР

ЦВЕТЫ
ЗЛА

Шарль Бодлер

Цветы зла

«Цветы зла» — сборник стихотворений французского поэта-символиста Шарля Бодлера. Стихотворения разделены на шесть частей, каждая из которых имеет метафорическое название (Сплин и идеал, Парижские картины, Вино, Мятеж, Цветы зла, Смерть), представляющее собой не простую антологию, а объединяющее произведения в одно целое. Главными темами стихотворений являются, как и часто в лирике этого плана, скука, уныние, меланхолия. Сборник посвящён Теофилю Готье, большая часть стихотворений посвящена Жанне Дюваль, которая работала статисткой в театре.

*Непогрешимому поэту всеильному чародею французской литературы,
моему дорогому и уважаемому учителю и другу ТЕОФИЛЮ ГОТЬЕ как
выражение полного преклонения посвящаю ЭТИ БОЛЕЗНЕННЫЕ ЦВЕТЫ*

Ш. Б.

Среди шакалов, змей и гадов безобразных,
Средь коршунов, пантер, и обезьян, и псов,
Средь чудищ, где и визг, и вой, и шип, и рев,
В зверинце низменном пороков наших разных, —

Одно всего подлей и гаже несравненно;
В нем жестов грозных нет и воскриков нет в нем.
Оно проглотит шар земной одним глотком
И землю превратит в развалины мгновенно, —

То - Скука! Полня глаз невольною слезою,
Она «хука» дымит, взмечтав про эшафот.
Тебе знаком ли тот изнеженный урод, —
Ханжа-читатель мой, мой брат, двойник со мною?!

Хандра и идеал

Благословение

В тот самый час, когда, по воле высшей силы,
Поэт был матерью на скучный свет рожден,
Испуганная мать хулу заголосила,
Вздвев к Богу кулаки, – и жалобам внял он.

– «О, лучше бы узлом ехидн мне оцелиться,
Чем молоком своим посмешище питать!
Я проклиная ночь, где страсть недолго длится,
Когда во чреве я могла позор зачать!

И хоть тебе избрать меж женщин было надо
Меня, чтоб стала я для мужа невтерпеж,
Хоть, как письмо любви, уродливого гада
Отныне в пламени, конечно, не сожжешь, —

Но ненависть твою, что бременем я чую,
Я вымещу на нем, твоим орудьи злоб,
И это деревцо несчастное скручу я,
Чтоб почек выпустить зловонных не могло б!»

Не в силах уяснить извечный план вселенной
И брызжа пеною и желчью пополам,
Она готовила себе среди Геенны
Костер, назначенный преступным матерям.

Но, охраняемый в невидимой опеке,
Ребенок-сирота луч солнышка впивал;
Во всем, что только пил, во всем, что кушал, —
некий

Он нектар розовый с амброзией вкушал.

Беседу с тучкой вел он, с ветерком играя,
И, напевая, шел, и крест тяжелый нес,
И Ангел, шедший вслед, поэта наблюдая,
Что веселей был птиц, сдержать не в силах слез.

Всех возлюбив, поэт встречал лишь подозренья;
От кротости его смелея с каждым днем,
Все слушали: кому свои возносит пени,
Жестокость испытать хотели все на нем.

В его вино и хлеб подмешивали скверны,
И пепел сыпали порой в его обед,
И всё, что трогал он, швыряли лицемерно,
Не ставили свой шаг в оставленный им след.

Его жена твердит на площадях публичных:
– «О! Так как хочет он меня боготворить,
Занятье воскрешу я идолов античных
И, как они, хочу позолоченной быть!»

Пресыщусь нардами и мирру воскурю я,
Найду забвение и в пище, и в вине!
Из сердца, что в меня так влюблено, смогу я
Исторгнуть почести божественные мне!

Когда же от забав кощунственных устану,
Всю силу слабых рук я возложу на нем,
До сердца милому проборожу я рану
На когти гарпии похожим коготком.

Я сердце красное из тела мужа выну,
Как из гнезда птенца, что бьется и дрожит,
И на землю моей любимой кошке кину
С презрением, чтобы был зверек любимый сыт».

Презрев на небесах великолепье трона,
Благочестиво длань Поэт вверх воздымал,
И, источая блеск, рассудок просветленный
Народы злобные от взора сокрывал.

«Благословен Господь, дарующий страданье,
Лекарство чудное от наших нечистот!
Готовя силы нам для светлого желанья,
Как масло лучшее оно на душу льет.

И твердо знаю я, что место для поэта
Ты среди Архангелов счастливых сохранил
И призовешь меня, Господь, на место это
В день вечный праздника Властей, Престолов,
Сил.

Я знаю: только скорбь дает нам сан нетленный,
Не опороченный ни адом, ни землей.
Я подать всех веков и дань со всей вселенной
В венец таинственный вплести обязан свой.

Пальмиры древностной забытые каменья,
Металлы тайные и перлы всех морей,
Что ты, Господь, извлек, – они ничто в сравненьи
С той ослепительной короною моей.

Корона спаяна лучом первоначальным
Святого очага, – и с блеском тех огней
В сравненьи кажется подобием печальным
И тусклым зеркалом огонь людских очей!»

Альбатрос

Для развлечения порой толпе матросов
Случается морских огромных птиц словить,
Дорожных спутников, ленивых альбатросов,
За судном любящих по горьким безднам плыть.

Воздушный царь! Едва на палубные доски
Он брошен, как тотчас становится смешон;
Большие два крыла белеющие – плоско,
Как весла по бокам, влачит неловко он.

Крылатый путник! Стал ты дряблый и неловкий!
Прекраснейший пловец! О, как уродлив ты!
Один матрос сует в клюв трубку для издевки,
Другой – передразнил походку хромоты.

Поэты! Схожи вы с заоблачным владыкой,
Кому смешна стрела, кто близок был ветрам!
Вы также изгнаны на землю, где средь гика
Крыло гигантское ходить мешает вам!

Возношение

Чрез озера и горы, долины и шхеры,
Чрез леса, облака и над далью морской,
Выше к солнцу и выше, чем воздуха слой,
За пределы усеянной звездами сферы, —

Ты, мой разум поэта, проворно летишь,
Как отличный пловец, издеваясь над бурей,
В сладострастии невыразимом, в лазури
Ты безмерность пространства, смеясь, бороздишь.

От заразных миазмов стремись далеко ты,
Чтоб очиститься, в высший простор ты взлети,
Как божественно чистый напиток, глотай
Светозарный огонь, что наполнил пустоты.

Позабыв про врагов и что над бытием
Нашим тяжко довлеют печали пустые,
Счастлив тот, кто сумеет в пространства иные
Вознести себя кверху могучим крылом!

Тот, чьи мысли, подобные ласточке скорой,
В поднебесье стремят свой свободный полет,
Тот, над жизнью испарив, без усилий поймет
И вещей немоту, и цветов разговоры.

«О тех нагих веках люблю воспомяненья...»

О тех нагих веках люблю воспомяненья,
Когда Феб золотил охотно изваянья;
Мужчина с женщиной, проворны и легки,
Вкушали сладко жизнь без лжи и без тоски.
Влюбленно небеса людей ласкали спины,
Здоровье множили высокой их машины;
Сибелла, щедрая в дарах любви своей,
Тогда не числила обузой сыновей;
И, нежностью ко всем исполнена, волчица
Сосцами смуглыми давала всем кормиться.
Мужчина стройный мог, в могуществе своем,
Гордиться красотой и зваться королем
Нетронутых плодов и девственниц, чье тело
Упруго-крепкое укусов захотело.

Когда ж теперь Поэт захочет оживить
Величье прошлое и сможет посетить
Места, где встретится с людскою наготою,
Он холод чувствует, что овладел душою
Пред черным зрелищем, где ужасы живут!
Уроды страшные о платье слезы льют!
Обрубки жалкие! Их торс, корсетом сжатый!
Тела искривлены и вялы иль пузаты!
Их в детстве пеленал нещадною рукой
В свивальник бронзовый бог Выгоды земной.
Вы, женщины, бледны, как свечи восковые,
Распутством съедены; вы, девы молодые,
Наследственно в крови покоите своей
Гнусь плодородия, пороки матерей!

Да, правда: есть краса у нас, племен разврата,
Народам древности безвестная когда-то.
Изъязвленных сердец на лицах след видней,
И чтут его красой изнеженных людей.
Но ложь поэзии больной и запоздалой
Народам страждущим вовеки не мешала
Почтенье воздавать той юности святой,
Чей лоб всегда открыт, взор ясен, вид простой.
Текущую струю собой напоминая,
Ты, Юность, шествуешь, окрест распространяя,
Как синева небес, как птицы и цветы,
Свой аромат, и песнь, и сладость теплоты.

Маяки

О Рубенс! Ты – поток забвения, сад лени,
Подушка плоти ты, где плоть любить нельзя,
Но где обильна жизнь и так полна волнений,
Как воздух в небесах и средь морей – струя.

Да Винчи! Зеркало, где мрак глубин несносен;
В нем прелесть ангелов; в улыбке сладкой ртов
Всё тайн полно; они являются из сосен,
Каймящих этот край, из мрака ледников.

Рембрандт! Ты – лазарет, где горький ропот гнета
И лишь распятие украшено одно;
Молитвы плачущих иссушат нечистоты,
И только луч зимы осветит полотно.

О Микель Анджело! Геракл в пустыне дома
Мне явлен; смешан он причудливо с Христом,
А справа, в сумерках, огромные фантомы
Рвут саван на себе протянутым перстом.

Бесстыдство фавново, боксерский гнев обрел ты,
Сумевший показать нам каменщиков боль,
О сердце гордое, о немощный и желтый
Пюже нерадостный, кандальников король!

Ватто! Ты – карнавал; как бабочки порхая,
Сердца известные пылают и снуют;
Свечей легчайший свет и мебель дорогая
На бал кружащийся свое безумье льют.

О Гойя! Ты – кошмар безвестного проклятья,
Где варят к шабашу зародышей в котлах,
Старухи с зеркалом и девочки без платья,
Соблазн для демонов в приподнятых чулках.

Делакруа! Ты – пруд, где бродят злые духи;
Он елей зеленью извечной осенен,
Под небом жалобным фанфары странно глухи
И так придавлены, как Веберовский стон.

Проклятья, жалобы и богохульство смеха,
Восторги, крики, стон, молитвы, наконец,
О повторенное в ста лабиринтах эхо, —
Чудесный опиум вы для людских сердец.

Вы крик, что часовой стократно повторяет,
Приказ, что передан сквозь сотню рупоров,
И зов охотников, что по́ лесу блуждают,
И отблеск в крепостях зажженных маяков.

И доказательств нет прекраснее на свете,
Чем то свидетельство величия людей,
Тот плач, катящийся к столетию от столетия,
Чтоб умереть, Господь, у вечности твоей.

Продажная муза

О Муза сердца, ты, влюбленная в чертог!
Найдешь ли в Январе, швыряющем ветрами
И оснеженными со сплином вечерами,
Хотя бы головню для посиневших ног?

На мрамор плеч твоих лучей полночных пламя
Проникнуть сможет ли меж ставенных досок?
Как пересохший рот, так пуст твой кошелек, —
Наполнишь ли его небесными дарами?

О, нет! Должна, чтоб хлеб насущный свой
сыскать,

Паникадило ты, как певчий, раздувать,
Сама не веря, петь псалом ежевечерне;

Иль, как голодный шут, на площади большой,
Со смехом, смешанным с незримою слезой,
Раскрыть свой балаган для развлечения черни.

Дурной монах

Монахи в древности на стенах выставляли
В изображениях лик Истины святой,
Чтоб благочестье чувств картины оживляли,
Смягчая холодность суровой жизни той.

Во дни, когда Христа посева возрастали,
Монах известный – он теперь забыт молвой —
Избрал для мастерской поля, где погребали,
И там прославил Смерть со всею простотой.

– Но я монах – дурной! Моя душа – могила!
Я от нее бегу, но в ней живу. Унылый
Свой монастырь ничем не украшаешь ты,

Ленивый послушник! Когда же превращу я
Любовь моих очей, работу рук простую
В живое зрелище печальной нищеты?!